

УДК 811.161.1+82.3

Ф. А. ГИБАЙДУЛЛИНА*

РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ В ПРОЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

Стихотворения в прозе «*Senilia*» И. С. Тургенева в основном исследуются литературоведчески; меньше сделано в описании их языковой организации. Цель настоящей статьи — выявление специфики функционирования лексических повторов как средства организации словесного материала в «*Senilia*». В результате исследования установлена многоаспектность лексического повтора как средства текстообразования. Выделены следующие функции употребления приёма: актуализация значения слова; создание эмоционально-экспрессивного отношения автора к объекту повествования; формирование основы ритма прозаического текста; композиционная функция.

Ключевые слова: лексический повтор, семантика, экспрессивность речи, ритм, композиция текста, И. С. Тургенев, стихотворение в прозе, «*Senilia*».

Повторы — яркое стилистическое средство организации текста. Они часто встречаются в художественных произведениях разных жанров и обогащают структуру текста. Наиболее распространены лексические повторы. Они являются важным элементом текстов русской литературы каждой эпохи. Так, любой жанр устного народного творчества трудно представить без многократных повторов слов и синтаксических конструкций, которые «организуют плавность и напевность фольклорного повествования» [1, 14]. Исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачёв отмечает, что «повторяемость — это «основа «художественного обряжения мира» [9, 11]. Лексические повторы широко используются и в произведениях русской классической литературы.

Лексические повторы не только средство выразительности художественной речи. Они широко распространены в текстах, ориентированных на устное произношение, в том числе и разговорного стиля. Это связано с тем, что лексические повторы помогают говорящему привлечь внимание к важной идее высказывания. Также повторы, по мнению И. П. Ерёмкина, «сообщают речи движение, управляют сменой её тональности, сообщают ей напряжённость, страстность, убедительность» [4, 159]. Поэтому мы можем говорить о том, что лексический повтор является универсальным приёмом организации текста.

* Файруза Асгатовна Гибайдуллина — студентка филологического факультета Набережночелнинского государственного педагогического университета (Набережные Челны, Россия); fayuzagibaydullina@gmail.com

Лексические повторы выполняют ряд задач в художественном тексте. Будучи полифункциональным приёмом текстообразования, они, с одной стороны, участвуют в формально-композиционной организации текста, выступая как средство синтаксического распространения, что позволяет включать в текст новую информацию без усложнения структуры высказывания [6, 138], а с другой — позволяют «выявить существенные аспекты идейного и художественного содержания» [3, 97]. Как отмечает Н. В. Николенкова, последовательный повтор одних и тех же слов и словосочетаний создаёт смысловое и структурное единство текстового отрезка [10, 83].

Проследим особенности употребления лексических повторов на примере сборника стихотворений в прозе «Senilia» И. С. Тургенева (1883). Выбор этих текстов обусловлен тем, что анализ текстов малой прозаической формы позволяет проследить роль отдельных случаев употребления лексических повторов в художественной организации отдельного текста.

Представленные в сборнике «Senilia» лирико-прозаические миниатюры — результат обращения к сокровенным воспоминаниям, философским размышлениям автора о различных константах человеческого бытия. Сборник стал новаторским в отечественной словесности. Ярким его отличием является использование различных приёмов поэтизации прозаической речи и способов обогащения художественной структуры текстов.

Из всех стихотворений в прозе сборника «Senilia» нами были выбраны и проанализированы те, в которых многофункциональность лексических повторов выражается наиболее ярко.

Одной из важнейших функций приёма оказывается *актуализация значения слова* путём его повторения, чаще всего в пределах одной синтаксической конструкции. В таком случае лексический повтор в художественном тексте является оправданным, ведь он способствует пониманию идеи текста или его частей. Повторяемые элементы текста несут основную смысловую нагрузку. Поэтому повтор трудно назвать произвольным средством выразительности языка. Многократное употребление слов-символов или слов, называющих художественные детали, привлекает внимание читателя. Важно отметить, что повторяющиеся слова могут приобретать в разных контекстах новые значения или усиливать имеющуюся смысловую нагрузку слова.

Приведём примеры. Стихотворение в прозе «Голуби» написано в 1882 году в период пребывания писателя в Европе и посвящено теме одиночества. Поэтому неслучайным является повтор в тексте числительных *два* и *один*: «Уже **два** платка мелькают, **два** комочка несутся назад: то летят домой ровным полётом **два** белых голубя»; «Хоть я и **один**... **один**, как всегда». И. С. Тургенев противопоставляет безмятежность и счастье, которые олицетворяют голуби, и гнетущую тоску лирического героя, оставшегося наедине со своими чувствами. Повтор контекстуальных антонимов создаёт контраст впечатления от поведения птиц и душевного состояния героя. Это позволяет автору описать внутренний конфликт лирического героя.

В начале стихотворения в прозе «Нищий» рассказчик с целью создания портрета героя использует слова и словосочетания *нищий*, *дряхлый старик*, *несчастное существо*. Они указывают не только на характеристику внешности человека, но и на его социальное положение. Рассмотрим отрывок текста: «Потерянный, смущённый, я крепко пожал эту грязную трепетную

руку... — Не взыщи, **брат**; нет у меня ничего, **брат**. — Нищий устал на меня свои воспалённые глаза; его синие губы усмехнулись — и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы. — Что же, **брат**, — прошамкал он, — и на том спасибо. Это тоже **подавание**, **брат**. — Я понял, что и я получил **подавание** от моего **брата**»¹. В представленном отрывке пять раз повторяется слово *брат*, значение которого в подобном контексте восходит к христианской традиции. Это слово указывает не на кровное родство, а на общность, равенство людей. Наиболее близкое к этому лексическое значение представлено в толковом словаре В. И. Даля: «ближній, всѣ мы другъ другу, и называемся такъ въ дружеской или нечопорной бесѣдѣ, что особенно сохранилось въ монашествѣ, въ простомъ народѣ и въ нашемъ отноше́ннн къ нему; обычное обращеніе въ речи къ ровнѣ или къ низшему» [2, 124]. Особое композиционное значение этот лексический повтор приобретает, так как организует эпифору.

Повтор слова *подавание* реализует авторскую идею текста. В описываемой ситуации это акт не материального, а духовного милосердия. Слово *подавание* в этом контексте используется в необычном значении: нищий получил не деньги, а внимание другого человека, а сам герой получил своеобразное подавание от нищего — жизненный урок. В таком контексте и слова *нищий*, *дряхлый старик*, *несчастное существо* получают дополнительное значение, относящееся к душевной жизни человека.

Лексический повтор, использованный в тексте с целью усиления значения слова, ярко проявляет себя в стихотворении в прозе «Стой!». В предложении «С губ сорвался последний вдохновенный звук — глаза не блещут и не сверкают — они меркнут, отягощённые счастьем, блаженным сознанием **той красоты**, которую удалось тебе выразить, **той красоты**, во след которой ты словно простираешь **твои** торжествующие, **твои** изнеможённые руки!» — повторяются созвучные слова: указательное местоимение *та*, падежные формы личного местоимения *ты* и притяжательное местоимение *твой*. Многократное употребление этих слов акцентирует внимание лирической героини, которую описывает автор. Повтор слова *красота* наряду с указанными ранее словами помогает передать чувство восхищения портретом, создаваемым в воображении. Многократное употребление фонетически созвучных слов в пределах одной синтаксической конструкции не только указывает на детали описываемой внешней характеристики, но и придаёт представленному отрывку выразительность и яркость.

В отрывке «**Вот оно, вот оно, бессмертие!** Другого **бессмертия** нет — и не надо. В это мгновение ты **бессмертна**» представлено употребление эпифоры. Автор повторяет однокоренные слова с корнем *-смерт-* и обязательным употреблением приставки *бес-*, что акцентирует внимание на незабвенности воспоминаний. Эпифора в представленном отрывке усиливает смысловую нагрузку абзаца, являющегося смысловым ядром всего стихотворения в прозе «Стой!». В этом же абзаце используется и другой вид лексического повтора — анадиплосис (стык, подхват): «Вот она — открытая **тайна, тайна** поэзии, жизни, любви». Описание красоты девушки, воссоздаваемой в портретной

¹ Все цитаты из произведений И. С. Тургенева даны по изд.: *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Серия «Сочинения» в 12-ти т.* — М.: Наука, 1982. Том 10. — 608 с.

зарисовке, дополняется философским размышлением о тайне жизни, тайне бессмертия, сохраняемой в человеческих воспоминаниях.

Стоит отметить в этом произведении и единичный случай кольцевого лексического повтора слова-предложения *Стой!* в начале и в конце миниатюры. Дважды употреблённое в сильных позициях текста слово раскрывает главную мысль текста: скоротечность времени и жизни. Также кольцевой повтор композиционно оформляет текст, создаёт его целостным.

Произведение «Стой!» можно выделить среди других по количеству используемых видов лексического повтора. Сочетание разных видов лексических повторов, переплетающихся и взаимно усложняющих друг друга, позволяет добиться большей выразительности текста, способствует созданию особого стиля повествования.

Другая функция лексических повторов заключается в *создании эмоционально-экспрессивного отношения автора к объекту повествования*. Многократное употребление слов, являющихся эмоциональным ядром стихотворения в прозе, позволяет читателю лучше понять чувства лирического героя. Таким образом, лексический повтор актуализирует эмоциональный аспект слова. Как отмечает Е. А. Иванчикова, этот приём оказывается способом «экспрессивного выделения, подчёркивания, фиксации внимания» [6, 126].

Интересным в этом отношении является стихотворение в прозе «Старуха». Произведение посвящено теме смерти, широко используемой в сборнике «Senilia». В отрывке «Она смотрит на меня большими, злыми, зловещими глазами... глазами хищной птицы... Я надвигаюсь к её лицу, к её глазам...» повтор слова «глаза» в контексте градации не только привлекает внимание читателя, но и усиливает описание чувства страха лирического героя. В отрывках из этого же стихотворения в прозе «Ах! — думаю я... — эта старуха — моя **судьба**. Та **судьба**, от которой не уйти человеку!»; «Но лёгкие шаги по-прежнему шелестят за мною, **близко, близко...**»; «Я **опять** поворачиваю в другую сторону... И **опять** тот же шелест сзади и то же грозное пятно впереди». Парные лексические повторы слов, оформленные как анадиплосис в первом примере, эпифоры во втором и анафоры в третьем примерах, указывают на нарастающее эмоциональное напряжение.

Тема ценности и скоротечности жизни раскрывается в стихотворении в прозе «Последнее свидание», в котором автор обращается к характерному для его произведений описанию образа смерти. В контексте истории последней встречи И. С. Тургенева с поэтом Н. А. Некрасовым описанные автором чувства становятся более понятными. Лексические повторы, используемые во второй части стихотворения в прозе, помогают передать эмоции последней встречи с больным другом: «Никуда не смотрят её глубокие **бледные** глаза; ничего не говорят её **бледные** строгие губы...» Отличное от типичных фольклорных и художественных зарисовок описание образа смерти реализуется с помощью повторяющегося слова *бледные* в сочетании с эпитетами *глубокие* и *строгие*. Это усиливает мрачность образа смерти. В конце стихотворения автор использует эпифору: «Она навсегда **примирила** нас. Да... Смерть нас **примирила**», — которая передаёт идею прощения.

Сходное эмоциональное состояние лирического героя передаётся и в стихотворении в прозе «Встреча», в котором перед читателем предстаёт образ смерти, отличный от тех, что описаны автором в стихотворениях в прозе

«Старуха» и «Последняя встреча». И. С. Тургенев использует лирические повторы для усиления динамики прозаического текста и экспрессивности повествования. Во фразе «Я непременно хотел догнать её, хотел заглянуть в её лицо... в её глаза...» раскрывается эмоциональное состояние лирического героя, охваченного чувством волнения и безграничного интереса к таинственной фигуре.

Богатым на лексические повторы является стихотворение в прозе «Когда меня не будет». Оно продолжает список произведений, посвящённых теме смерти и скоротечности жизни. Важным аспектом, отличающим это стихотворение от предыдущих, является эмоциональное состояние лирического героя. Произведение, посвящённое Полине Виардо, наполнено светлой грустью. Лирический герой рассказывает о незабвенной любви. Нарастающие чувства лирического героя передают лексические повторы, которые ярко представлены в следующих строках: «Возьми одну из наших любимых книг и отыщи в ней **те** страницы, **те** строки, **те** слова»; «**О ты**, мой единственный друг, **о ты**, которую я любил так глубоко и так нежно!» Переплетая повторы, эпитеты и градацию, И. С. Тургенев не только усиливает динамичность прозаического текста, но и делает язык произведения более ярким, выразительным, образным. Повтор местоимения *ты* в восклицательных конструкциях с усилительной частицей является кульминацией выражения чувств лирического героя к возлюбленной. Таким образом, роль лексических повторов в усилении экспрессивности высказывания очевидна.

Любые повторы, в том числе и лексические, составляют *основу ритма прозаического текста*. Эту мысль теоретически обосновал В. М. Жирмунский: «...основу ритмической организации прозы всегда образуют не звуковые повторы, а различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанного словесными повторениями (в особенности анафорами)» [5, 575]. Эта мысль находит подтверждение при изучении ритмического текста. Ритм в тексте организуется автором специально и «позволяет оформить не только звучание, но идейно-тематическое содержание памятников, основная цель которых заключается в воздействии на читателя или слушателя» [7, 146].

Стихотворения в прозе И. С. Тургенева оказываются той самой ритмически организованной прозой. Приведём пример из произведения «Воробей». В предложении «**Он** ринулся спасать, **он** заслонил собою своё детище... **он** замирал, **он** жертвовал собою!» анафорический повтор личного местоимения *он* в сочетании с глаголами формирует грамматический параллелизм, способствует усилению эмоционального впечатления. Анафора фокусирует внимание читателя или слушателя на быстрой смене действий, придаёт повествованию особую экспрессивность. Кроме того, повтор местоимения позволяет автору указать спасателя, смелостью которого восхищается лирический герой.

Наконец, лексические повторы выполняют в тексте и *композиционную функцию*. Ключевым композиционным приёмом организации текста, по мнению Н. С. Дёмковой, являются разнообразные повторы, лексические и синтаксические [3, 5].

Повторы слов или фраз, которые представляют собой композиционно-смысловой центр текста, помогают автору организовать образно-речевое единство в пределах всего текста.

В этом отношении наиболее показательное построение стихотворения в прозе «Как хороши, как свежи были розы...». Логическая и сематическая связанность текста организуется с помощью общетекстовой анафоры. И. С. Тургенев неслучайно шесть раз употребляет первую строку стихотворения поэта XIX века Ивана Мятлева: «Как хороши, как свежи были розы / В моём саду! Как взор прельщали мой!» Мотив и чувства, передаваемые лирическими героями в этих произведениях, перекликаются. Повторяя в пределах стихотворения в прозе фрагмент другого стихотворения, автор реализует художественный замысел и разделяет всё произведение на две части: реальность и воспоминания. С помощью лексического повтора происходит смена этих двух художественных пространств. Автор не только передаёт эмоциональное состояние лирического героя, но и демонстрирует сложность человеческой души. Многократный повтор усилительной частицы *как* в предложении: «**Как** простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, **как** трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы... **как** чист и нежен облик юного лица!» — помогает выразить чувство очарованности и восхищённости лирического героя. Стоит отметить, что описание портрета лирической героини имеет сходное синтаксическое строение с начальной строкой стихотворения Мятлева. Лексический повтор в отрывке усиливает звучание конструкций, оформленных по принципу грамматического параллелизма. Такая организация эмоциональных фрагментов текста в целом является типичной для художественного текста [8, 18]. И. С. Тургенев, указывая на сходство лирической героини стихотворения в прозе с прекрасным цветком и с лирической героиней стихотворения «Роза», создаёт психологический параллелизм. Помимо общетекстовой анафоры, в этом произведении употребляются и одиночные повторы: «А в голове всё **звонит да звонит**», «А в комнате всё **темней да темней**». Они усиливают смысловую нагрузку художественных деталей стихотворения в прозе.

Анализ стихотворений в прозе из сборника «Senilia» И. С. Тургенева позволяет сделать вывод о том, что лексический повтор — многоаспектный приём выразительности языка. Возможности употребления этого стилистического средства не ограничены. Широкий диапазон семантических и структурных особенностей использования лексического повтора позволил автору создать яркое художественное содержание и передать авторский замысел, заложенный в произведениях сборника «Senilia».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильева Ю. В.* Повтор как принцип организации фольклорного текста (лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора): дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2004. — 213 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. А–З. — М., 1995. — 800 с.
3. *Дёмкова Н. С.* Поэтика повторов в древнеболгарской и древнерусской ораторской прозе XI–XIII веков // Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. — СПб., 1997. — С. 5–17.
4. *Ерёмин И. П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики) / отв. ред. Д. С. Лихачёв. — М.–Л.: Наука, 1966. — 263 с.

5. *Жирмунский В. М.* О ритмической прозе // Теория стиха. — Л. : Советский писатель, 1975. — С. 569–586.
6. *Иванчикова Е. А.* Лексический повтор как экспрессивный приём синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке / под ред. В. В. Виноградова. — М., 1969. — 215 с.
7. *Калинин К. А.* Построение словесных рядов древнерусского текста на основе грамматического параллелизма // Слово в зеркале истории языка. Вып. 1. — Набережные Челны, 2020. — С. 18–20.
8. *Калинин К. А.* Языковая организация ритмичных текстов древнерусской ораторской прозы // Язык как материал словесности: XXI научные чтения. — Казань : Бук, 2018. — С. 143–147.
9. *Лихачёв Д. С.* Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. — Л. : Наука, 1983. № 4. — С. 9–21.
10. *Николенкова Н. В.* Некоторые принципы синтаксической организации церковнославянского текста: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000. — 197 с.

REFERENCES

1. *Vasil'eva Yu. V.* Povtor kak princip organizacii fol'klornogo teksta (leksiko-sintaksicheskij povtor v proizvedeniyah russkogo i anglo-shotlandskogo fol'klora) [Repetition as a principle of organizing a folklore text (lexical and syntactic repetition in Russian and Anglo-Scottish folklore): dissertation. — Saratov, 2004. — 213 s.
2. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Great Russian Language Dictionary]. — Moscow, 1995. — 800 s.
3. *Demkova N. S.* Poetika povtorov v drevnebolgarskoj i drevnerusskoj oratorskoj proze XI–XIII vekov [Repetition poetics in the Old Bulgarian and Old Russian oratorical prose of the 11th–13th centuries]. Srednevekovaya russkaya literatura. Poetika, interpretatsiya, istochniki. — St. Petersburg, 1996. — S. 5–17.
4. *Eryomin I. P.* Literatura Drevnej Rusi (etyudy i harakteristiki) [Ancient Rus Literature (studies and characteristics)]. — Moscow — Leningrad: Nauka, 1996. — 263 s.
5. *Zhirmunskij V. M.* O ritmicheskoj proze [About rhythmic prose] // Teoriya stikha. — Leningrad: Sovetskij pisatel', 1975. — P. 569–586.
6. *Ivanchikova E. A.* Leksicheskij povtor kak ekspressivnyj priem sintaksicheskogo rasprostraneniya [Lexical repetition as an expressive method of syntactic dissemination] // Mysli o sovremennom russkom yazyke. — Moscow, 1969. — 215 s.
7. *Kalinin K. A.* Postroenie slovesnyh ryadov drevnerusskogo teksta na osnove grammaticheskogo parallelizma [Verbal series construction in Old Russian text based on grammatical parallelism] // Slovo v zerkale istorii yazyka. — Naberezhnye Chelny, 2020. S. 18–20.
8. *Kalinin K. A.* Yazykovaya organizatsiya ritmichnykh tekstov drevnerusskoj oratorskoj prozy [The linguistic organization of rhythmic texts of Old Russian oratory prose] // Yazyk kak material slovesnosti: XXI nauchnye chteniya. — Kazan: Buk, 2018. — S. 143–147.
9. *Lihachyov D. S.* Poetika povtoryaemosti v “Slove o polku Igoreve” [Repetition poetics in the “The Tale of Igor’s Campaign”] // Russkaya literatura. — Leningrad: Nauka, 1983. No. 4. — S. 9–21.
10. *Nikolenkova N. V.* Nekotorye principy sintaksicheskoy organizacii cerkovnoslavyanskogo teksta [Some principles of syntactic organization of Church Slavonic text]: dissertation. — Moscow, 2000. — 197 s.